

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.155.5>

**ФАКТОРЫ, ПОСПОСОБСТВОВАВШИЕ РАДИКАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Научная статья

Суслина И.А.^{1,*}

¹ Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (suslina0304[at]gmail.com)

Аннотация

Радикализация студенчества университетов Российской империи конца XIX – начала XX века была вызвана комплексом социальных, политических и экономических факторов. В статье автор предпринимает попытку определить спектр причин, которые способствовали политизации изначально сугубо корпоративных запросов студенческих выступлений в Российской империи конца XIX – начала XX века. В статье подчеркивается, что радикализация студенчества была вызвана сочетанием внутренних и внешних факторов. Автор делает вывод о том, что политизация студенчества привела к формированию важного элемента будущей революции в Российской империи. Студенчество, как наиболее образованная и социально активная часть общества, сыграло значительную роль в распространении революционных идей.

Ключевые слова: студенческие волнения, радикализация студенчества, университетские Уставы, политизация студенческих настроений, землячества, кассы взаимопомощи.

**FACTORS THAT CONTRIBUTED TO THE RADICALISATION OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE LATE XIX
– EARLY XX CENTURY IN THE RUSSIAN EMPIRE**

Research article

Suslina I.^{1,*}

¹ St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (suslina0304[at]gmail.com)

Abstract

The radicalisation of university students in the Russian Empire in the late XIX – early XX century was caused by a complex of social, political and economic factors. In the article, the author attempts to identify the range of reasons that contributed to the politicisation of the initially purely corporate demands of student protests in the Russian Empire in the late XIX – early XX century. The paper emphasises that the radicalisation of the student population was caused by a combination of internal and external factors. The author concludes that the politicisation of the student body led to the formation of an important element of the future revolution in the Russian Empire. Students, as the most educated and socially active part of society, played a significant role in the spread of revolutionary ideas.

Keywords: student unrest, radicalisation of students, university Charters, politicisation of student movements, student associations, mutual aid funds.

Введение

Российские университеты, по логике Петра I и его сторонников, должны были способствовать укреплению Российской империи, выводить ее на новый конкурентоспособный уровень и ставить на одну ступень с европейскими державами. Однако университеты стали центрами, которые, аккумулируя либеральную профессуру, ковали радикально настроенную студенческую молодежь, ставшую полноценным гражданским обществом, обрушившим Российскую империю.

Методы и принципы исследования

Актуальность темы исследования заключается в том, что, российские университеты были и остаются центрами концентрации интеллектуальной, творческой и политической элиты. Ряд системных ошибок властей в конце XIX века привел к тому, что университеты стали рычагом Архимеда и опрокинули Российскую империю. Нам видится необходимым обсудить те факторы, которые поставили университетскую корпорацию в оппозицию власти. Задачей нашего исследования является установления комплекса причин, приведших к радикализации политических взглядов молодежи, обучающихся в Императорских университетах Российской империи конца XIX – начала XX веков. В ходе нашего исследования, нами были посредством историко-правового, формально-юридического, ретроспективного, хронологического, историко-системного методов изучены архивные документы, воспоминания участников событий, научные изыскания на анонсированную тему исследования.

Основные результаты

Радикализация студенчества в России конца XIX века была вызвана комплексом причин: социально-экономическими условиями (бедность, неравенство), политическим контекстом (репрессивная политика властей, отсутствие политических свобод, влияние революционных идей), спецификой университетской среды (жесткий

контроль за обручающимися, недовольство учебной системой, запрет властей на самоорганизацию), идеологическим влиянием культурной среды (идеи марксизма, анархизма) и психологическими возрастными аспектами.

Обсуждение

Университеты в привычном нам понимании возникли в раннем средневековье в Италии в IX–XI веке. В XII–XIV веках университеты стали появляться в Германии и Англии, позднее в Восточной Европе (Речи Посполитой) и значительно позже в России.

Первые попытки создания отечественного светского системного образования связаны с именем Бориса Годунова, однако, в силу ряда исторических обстоятельств, это начинание не нашло своей практической реализации. В конце XVII века в Москве была основана славяно-греко-латинская академия, ставшая на долгие годы основным центром подготовки гуманитарных специалистов для духовной и светской службы, но ввиду ограниченности ее возможностей, количество таких выпускников было ничтожно мало и не перекрывало государственные потребности. Появление первого русского университета является заслугой Петра I, который, однако, не увидел свое основное детище. Московский университет открыл свои двери обучающимся в 1755 году и был формально подчинен Сенату.

Основной вклад на этапе становления системы высшего образования в Российской империи принадлежит Александру I. Им были основаны в 1804 году Казанский и Харьковский университеты, а также, введен первый единый общеуниверситетский Устав. Кроме того, Александром I были организованы учебные округа, рассчитанные таким образом, чтобы в каждом округе был хотя бы один университет. Университет представлял в образовательном округе вершиной образовательной пирамиды, включающей в себя приходские училища, уездные училища, гимназии (лицей). Во главе каждого округа стоял попечитель. Им мог стать как ученый, профессор, так и отставной генерал. Именно от фигуры попечителя во многом зависел общественный климат, настроение, порядки, которые устанавливались в учебном округе.

К 1900-му году в Российской империи было 10 императорских университетов: Московский (с 1755 года); Дерптский или Юрьевский (1802); Казанский (1804); Харьковский (1804); Санкт-Петербургский (1819); Александровский в Гельсингфорсе (1827); Св. Владимира в Киеве (1833); Новороссийский в Одессе (1864); Варшавский (1869); Томский (1888).

С начала XIX века в университетской среде зарождается дискурс с повесткой определения роли университетов в интеллектуальной жизни государства. Что такое университет в Российской империи? Это автономное элитарное сообщество равных интеллектуалов? Механизм по производству государственных чиновников? Центр знания или место, где происходят самые значимые дискуссии о роли культуры и существования самого государства? И однозначного ответа на этот вопрос не было. Государство рассматривало университеты как кузницу профессиональной бюрократии. Кроме того, университет способствовал облагораживанию городского ландшафта, городской культурной среды, приводил к созданию новых рабочих мест. Локация в крупных городах империи и открывшаяся возможность поступать в вузы выходцам из разночинной среды привели к тому, что университетские города стали сосредоточением наиболее интеллектуальной и активной части молодого населения страны. Третья функция университетов-представительская, дипломатическая. Через университеты происходило единение верховного самодержавия и профессорско-студенческого сообщества. Мы знаем, что за каждым университетом был закреплён представитель монаршей семьи, который осуществлял контрольно-патронажные функции в отношении своего протеже [1, С. 12]. В бытность министром просвещения графа Сергея Семеновича Уварова (в период с 1833 по 1849 года), с его легкой руки Санкт-Петербургский университет стал так же центральным экспертным вузом — именно сюда доставлялись все диссертационные работы, и профессура университета писала на них рецензии, давая экспертную оценку. Уварову так же принадлежала идея систематических зарубежных стажировок, чтобы русская наука не отставала от иностранной. Таким образом, университет стал в Российской империи конца XIX века анклавом интеллектуального и пассионарного сосредоточения. Это сообщество требовало свободы и независимости в принятии решений и определения направления развития. Однако фактически по самой задумке их организации, Императорские университеты Российской империи были прямым отражением мировоззренческих установок первого лица государства и его внутренней политики. За все время существования, регламент деятельности университетов претерпевал ряд изменений, которые оформлялись в университетские Уставы. Первый *общий* университетский Устав, который установил университетскую автономию, был издан 5 (17) ноября 1804 года Александром I. Согласно уставу, во главе самоуправления был Совет, состоящий из профессоров и ректора, который избирался на год. После восстания декабристов и наступившей политической реакции, императором Николаем I был утверждён 26 июля (7 августа) 1835 года новый университетский Устав. Он значительно ограничил самостоятельность университетов в решении вопросов внутреннего распорядка и учебных программ. Следующий всеобщий университетский устав был утверждён 18 (30) июня 1863 года императором Александром II. Это был один из самых либеральных сводов правил университетской жизни. Университеты получили широкие автономии и свободы в принятии решений. Последовавший за этим всплеск народничества из числа разночинцев университетского студенчества и убийство императора, выводят в свет Университетский устав 23 августа (4 сентября) 1884 года. Была вновь упразднена автономия университетов, вдвое повышена плата за обучение. Для студентов стало обязательным ношение форменной одежды, которую они должны были приобретать за свой счет так же, как и учебные пособия. Вводилось обязательное посещение занятий, процедура приписной регистрации в полиции по приезду-отъезду из университета, испрашивание разрешения на брак у руководства вуза, обязательное нахождение в помещении общежития в период обучения с 22 часов и с 23 в период каникул. Был введен запрет на азартные игры, участие в дуэлях, кружках и партиях. Александр III перевел императорские университеты в подчинение министерству просвещения. Ответственность за контроль поведения студентов была возложена на руководство университета, Комиссию по делам студентов, университетскую стражу и Инспекцию, которая, по сути, была внешним контрольным органом по отношению к вузу и являлась органом, подчиненным попечителю учебного округа. Она выполняла полицейские функции и состояла из инспектора, субинспектора и педалей, набираемых из числа отставных солдат и

унтер-офицеров. Педали имели право осуществлять контроль за студентами как в стенах университета, так и за его пределами. В их полномочия входило право посещения с целью контроля мест проживания студентов, изучения списка литературы, истребуемой студентом в библиотеках, контроль за посещаемостью занятий, изучение кредитной истории студента и т.д. Но университетские традиции имели невероятную инертность и студенческое сообщество, помня свои прежние вольности, активно встало на защиту ущемляемых прав и свобод. Студенты продолжали объединяться в землячества и кассы взаимопомощи, которые теперь стали вне закона и были прямо запрещено университетским Уставом и внутренними правилами университетов.

После отмены крепостного права и урбанизации сельского населения, состав университетских обучающихся значительно пополнился разночинной молодежью. Попадая в столичные университетские города, небогатые студенты сталкивались с острой денежной нуждой. Съем жилья, питание, плата за образование, покупка обмундирования, учебной литературы, многочисленные штрафы за нарушение Постановления о благочинии для студентов, приводили студентов в бедственное положение. Стипендия, согласно регламента, могла быть получена только при блестящей успеваемости, но со второго курса. Таким образом, для молодого студенчества спасением были касса взаимопомощи, которая формировалась через пожертвования, продажу книг, лекции, концерты и землячества. Последние представляли собой объединения студентов одной национальности, выходцев из одной губернии, региона, города и выполняли функцию материальной поддержки, охранителя национальных традиций, культуры. Но, как мы помним, эти формы самоорганизации студенчества были запрещены Уставом 1884 года. Михаил Никифорович Катков, известный публицист, изучавший природу студенческого волнения, прямо указывает на тот факт, что сторонние агитаторы разжигали гнев студентов, направляя его в антиправительственное русло именно педалируя несправедливость запрета касс взаимопомощи [2].

По факту получалось, что студенческое движение, касавшиеся в основном корпоративных вопросов, процедуры обучения, преподавания и внутриуниверситетской жизни, становилось общественно-политическим. Борьба за корпоративные права трансформировалась в политическую. Со стороны репрессивных органов и со стороны государства студенческие объединения трактовались как покушение на устои образования и государственного порядка в целом. Масса молодых людей, будучи впервые арестована за участие в студенческих движениях, будучи выслана из университетских городов, не имела возможности социальной интеграции в желаемую для них среду [3, С. 52]. Учитывая университетскую локацию в крупных имперских городах, университетское студенчество в них было многочисленно и находилось под пристальным контролем властей. Студенческие сходки (забастовки), которые в конце XIX- начале XX века в России назывались «истории» и носили массовый характер, тщательно расследовались университетской администрацией. Зачинщиков и активных участников ждали карцер, штрафы, лишение стипендии, временное или постоянное исключение из университета, в случае рецидива или тяжести проступка, материалы проверки передавались в полицию.

Необходимо указать на тот факт, что в студенческое сообщество конца XIX века было невероятно политизированным. Студенты, как наиболее образованная часть общества, остро ощущали отсутствие гражданских прав и свобод. Они требовали принятия Конституции, ограничение самодержавия, введение народного контроля, формирования гражданского общества. Несмотря на официальный запрет политических партий, пропагандисты всех мастей находили в лице студентов благодарных слушателей [4, С. 215]. идеи народничества, марксизм, анархизм были мейнстримом студенческой повестки. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов фактор возраста: молодежный идеализм приводил к тому, что студенты, воспитанные на идеях гуманизма и справедливости, болезненно воспринимали социальное неравенство и произвол властей. Происходила романтизация революционных идей. Пламенные речи агитаторов, самиздат и культура в целом воспевали бунт, активные протестные действия.

Недалеко от обучающихся в этом плане ушли и педагоги высшей школы. По воспоминаниям участников студенческих беспорядков, зачастую лекторы были основными поставщиками студентам либерально-оппозиционных идей. В моду вошло быть протестным правительству и устоявшемуся порядку. Преподаватели выступали за отмену Устава и контроля за университетской жизнью и вольно или исподволь поддерживали студентов в их акциях неповиновения. Так, партия кадетов, которую называли «профессорской» из 54 членов ее ЦК первого созыва 22 человека (40,7%) были представителями высшей школы [5, С. 240].

Заключение

Нам видится, что размытость основного целеполагания создания университетов в Российской империи, введение жесткого контроля за жизнью студентов, ограничение их прав на различные формы самоорганизации, оппозиционная политика преподавательского состава вузов по отношению к политике правительства, вкупе создали предпосылки к оформлению студенческого движения в политическое русло. Радикализация студенчества стала результатом сочетания неблагоприятных социально-экономических условий, политических репрессий и влияния революционных идей. Студенты видели себя авангардом борьбы за справедливость и свободу, что привело к их активному участию в революционном движении конца XIX- начала XX века.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Андреев А.Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) / А.Ю. Андреев // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в / Отв. сост. А.Ю. Андреев. — Москва : РОССПЭН, 2009. — С. 9–31.
2. Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей / М.Н. Катков. — 1869. — № 112.
3. Аничков Е.В. Устав 1884 года и студенчество на перепутьи (Из личных воспоминаний) / Е.В. Аничков // Памяти русского студенчества конца XIX – начала XX веков. — Париж: Свеча, 1934. — С. 36–71.
4. Ленин В.И. Студенческое движение и современное политическое положение / В.И. Ленин // ППС. — Москва, 1961. — Т. 17. — С. 214–220
5. Саркисян Х.С. В Петербургском университете / Х.С. Саркисян // Тропами жизни и литературы. — Ереван : Айстан, 1974. — С. 239–248.
6. Временная инструкция для университетской инспекции за студентами Императорского С.-Петербургского университета. — Санкт-Петербург, 1879. — 7 с.
7. Любимов И.А. Мнение по поводу предстоящего пересмотра университетского устава / И.А. Любимов // РВ. — 1873. — № 2. — С. 886–904.
8. Георгиевский А. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков / А. Георгиевский. — Санкт-Петербург : Тип. В.С. Балашева, 1890. — 302 с.
9. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в 1905 году / Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2015. — № 3. — С. 98–107.
10. Лапшина Р.Г. Революционные и социалдемократические кружки в Петербургском университете в 1883–1891 гг / Р.Г. Лапшина, Г.С. Жуйков // Петербургский университет и революционное движение в России. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1979. — С. 22–38.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andreev A.Ju. «Ideja universiteta» v Rossii (XVIII – nachalo HH v.) [‘The Idea of University’ in Russia (XVIII – early XX century)] / A.Ju. Andreev // «Byt' russkim po duhu i evropejcem po obrazovaniju»: Universitety Rossijskoj imperii v obrazovatel'nom prostranstve Central'noj i Vostochnoj Evropy XVIII – nachala XX v [“To be Russian in spirit and European in education”: Universities of the Russian Empire in the educational space of Central and Eastern Europe in the XVIII – early XX century] / Resp. comp. A.Ju. Andreev. — Moscow : ROSSPJeN, 2009. — P. 9–31. [in Russian]
2. Katkov M.N. Sobraenie peredovyh statej Moskovskih vedomostej [Collection of advanced articles of Moskovskie vedomosti] / M.N. Katkov. — 1869. — № 112. [in Russian]
3. Anichkov E.V. Ustav 1884 goda i studenchestvo na pereput'i (Iz lichnyh vospominanij) [The Charter of 1884 and the student community at the crossroads (From personal recollections)] / E.V. Anichkov // Pamjati russkogo studenchestva konca XIX – nachala HH vekov [Memories of the Russian student community of the end of XIX – beginning of XX centuries]. — Paris: Svecha, 1934. — P. 36–71. [in Russian]
4. Lenin V.I. Studencheskoe dvizhenie i sovremennoe politicheskoe polozhenie [The student movement and the current political situation] / V.I. Lenin // PPS. — Moscow, 1961. — Vol. 17. — P. 214–220 [in Russian]
5. Sarkisjan H.S. V Peterburgskom universitete [In St. Petersburg University] / H.S. Sarkisjan // Tropami zhizni i literatury [Paths of Life and Literature]. — Yerevan : Ajstan, 1974. — P. 239–248. [in Russian]
6. Vremennaja instrukcija dlja universitetskoj inspekcii za studentami Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta [Temporary Instruction for the University Inspection of Students of the Imperial St. Petersburg University]. — St.Petersburg, 1879. — 7 p. [in Russian]
7. Ljubimov I.A. Mnenie po povodu predstojashhego peresmotra universitetskogo ustava [Opinion on the forthcoming revision of the university statutes] / I.A. Ljubimov // RV. — 1873. — № 2. — P. 886–904. [in Russian]
8. Georgievskij A. Kratkij istoricheskij ocherk pravitel'stvennyh mer i prednachertanij protiv studencheskih besporjadkov [A brief historical sketch of government measures and prescriptions against student riots] / A. Georgievskij. — St.Petersburg : Typ. of V.S. Balashev, 1890. — 302 p. [in Russian]
9. Rostovcev E.A. Sankt-Peterburgskij universitet v 1905 godu [St. Petersburg University in 1905] / E.A. Rostovcev, I.V. Sidorchuk // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki [Scientific and Technical Vedomosti SPbSPU. Humanities and Social Sciences]. — 2015. — № 3. — P. 98–107. [in Russian]
10. Lapshina R.G. Revoljucionnye i socialdemokraticheskie kruzheniya v Peterburgskom universitete v 1883–1891 gg [Revolutionary and social-democratic circles at St. Petersburg University in 1883–1891] / R.G. Lapshina, G.S. Zhujkov // Peterburgskij universitet i revoljucionnoe dvizhenie v Rossii [St. Petersburg University and the revolutionary movement in Russia]. — Leningrad : Publishing House of LSU, 1979. — P. 22–38. [in Russian]